

О ДОРОГАХ, ВЕДУЩИХ К ХРАМУ

(Материалы Круглого стола, организованного в рамках VIII градостроительного форума «A’CITY». Апрель, 2015 год.)

Среди новых явлений последнего времени в градостроительстве определённое место занимает строительство церквей. Хотелось бы сказать, что оно занимает ЗАМЕТНОЕ и ОСОБОЕ место в градостроительстве. Но, увы, сказать так нельзя, потому что новые храмы часто размещаются среди застройки как рядовые её объекты. Места для строительства новых церквей выделяются на территории города на общих с другими объектами основаниях. В этом проявляется установленная законодательством позиция некой принципиальной «справедливости», которая за всеми объектами, кроме объектов федерального, регионального и местного значения, признаёт равную значимость и равноправие тех, кто их строит и использует. Поэтому церкви возникают в довольно случайных местах – там, где в превратностях торжка за земельные ресурсы им перепадает свободный участок земли. При этом они подчиняются и общим правилам застройки, в том числе о высоте – поэтому подняться своими главками над застройкой в принципе не могут, но часто и не в состоянии даже дотянуться ими до высоты плотно окружающих высотных жилых домов и офисов, из окон которых обитатели смотрят на церковь сверху вниз.

Всё это стало результатом того, что практическое градостроительство, навязанное упрощённым градостроительным законодательством, отказалось от своей миссии формировать архитектурную композицию города, создавать ансамбли, силуэты, эстетически полноценную среду, наполненную осмысленными символами и смыслом как таковым. Но пока в учебных институтах ещё преподают градостроительство как отрасль искусства и осмысление городского пространства – наверное, в надежде, что это найдёт своё место в будущем. В свете этой надежды мы стремимся, по мере сил, обеспечивать ему хоть какое-то место и в настоящем.

Одним из традиционных инструментов художественного градостроительства является создание доминант. Обычно рассуждения о смысле и роли доминант в градостроительстве сводятся к тому, что с их помощью разнообразится силуэт городского пейзажа, устанавливается система ориентиров в городской среде. К этому в 70-х и 80-х годах прошедшего века сводились практически все предложения по разнообразию скучной и скучной среды новостроек. Им посвящались и восторженные статьи градостроительных футурологов, и настоящие научные труды. Редкий рисунок планируемой застройки обходился без какого-нибудь штыря, на который нарочито сходились все линии отображаемой перспективы, летели косяки птиц, а также развивающиеся волосы красавиц, помещённых на рисунок в качестве антуража. Однако, реализованные в натуре, такие доминанты, как правило, оказывались совсем не так романтичны, а «неблагодарный» народ давал им язвительные прозвища. Та же участь постигала не только одиночные стелы, но и высокие здания: над застройкой-то они возвышались, перспективы замыкали, но ничем, кроме как звоном пустоты своего бессодержательного

символизма, пространство вокруг себя не оглашали – среда упрямо продолжала оставаться такой же скучной и скучной. А своей манерной кичливостью взлетающие вверх объёмы со временем становятся всё более смешны и вызывают раздражение как демонстрация того недомыслия, которого на самом деле следовало бы стыдиться. Мировыми примерами этому являются башня Монпарнас в Париже, знаменитый «Огурец» в Лондоне. Справедливости ради, следует сказать, что у нас, в отличие от «бедных» Парижа и Лондона, большинство из подобных башен, задумывавшихся в разное время до начала 90-х годов – слава Богу! – осталось на бумаге, благодаря гайкам, которыми была «закручена» свобода архитектурного творчества. Зато теперь эта свобода выскочила, как чёртик из-под пня, на освобожденной от долгого сжатия пружине и уже отметилась повсюду – «Монблан» на Неве, «Регент-холл» на Владимирской площади, ТСБ и «Финансист» на Васильевском... После того, как «Лидер-тауэр» горделиво замкнул собой перспективу Вознесенского проспекта, эта перспектива вызывает только отчаяние, досаду и горечь. И на подходе следующие «доминанты», среди них, например, небоскрёб «Охта-центр».

Это заставляет призадуматься над смысловым содержанием понятия «доминанта». Почему купола и главки церквей, их колокольни, оказавшиеся в роли доминант, не вызывают сомнения, а оказавшиеся точно в такой же ситуации дома иных назначений часто заставляют пожимать плечами? Например, почему Троицкий собор в панораме Фонтанки её украшает, придает ей смысл, а оказавшийся рядом с ней в той же панораме силуэт гостиницы «Советская» конкретно портит её. Почему шпиль Адмиралтейства красит перспективу Гороховой, а здание ТЮЗа, замыкающее её с другого конца – убивает? Может, всё дело в архитектурных решениях? Это, конечно, так, но, думаю, во вторую очередь. В первую очередь, очевидно, что здание становится доминантой в силу смысла и значения, которым наделяет его сознание горожан. Так, церковь, если сознание горожан принимает её в качестве жилища Истины, априори становится доминантой. Для этого ей даже не надо быть высокой и заметной в застройке: если душа человека признает её такой, то та «светит» ему даже из-за угла, лишь бы он знал или догадывался, что она там. Здания иных назначений, ставших воистину городскими доминантами, единичны. Как правило, они становятся такими потому, что им удается захватывать воображение и заставлять играть фантазию тех, кто смотрит на них, либо они вызывают чем-то заслуженное уважение. Так или иначе, их символическое содержание не пусто, а весьма значительно, и роль доминанты заслужена. А формы их, в том числе высотное доминирование над застройкой, служат для придания соответствия их визуального образа этому содержанию. Конечно, смысловое содержание ТЮЗа не пусто, но все же, видимо, недостаточно для того, чтобы здание театра взяло на себя роль доминанты в перспективе Гороховой улицы – центрального луча петербургского «трезубца» как контрапункта к Адмиралтейству. Да и формой ТЮЗ для этого «не вышел» – в основном, эта форма довольствуется своим доминированием лишь в ансамбле окружающей площади и индифферентна к тому, что просматривается в перспективе Гороховой. Так же, как и БКЗ «Октябрьский» в перспективе улицы Жуковского.

Итак, чтобы стать доминантой в городской застройке, здание своим смыслом и содержанием должно получить право на это. Расставлять по городу бессмысленные доминанты – это обесмысливать или, точнее, оболванивать городскую среду и бессмысленно и

безответственно расходовать ценнейшие ресурсы для размещения истинно городских доминант, занимая их тем, что в итоге превращается просто в градостроительный мусор.

К тому же, после введения действующего градостроительного кодекса вдруг обнаружилось, что в составе градостроительной деятельности заботы о создании композиции города законодательством вообще не предусмотрены, а возникновение доминант становится делом частным – они могут появляться просто в результате стремления амбициозных застройщиков возвыситься над соседями – ближними и дальними, отметиться в городской панораме, «победить (сделать) всех» и предоставить своим обитателям эксклюзивное наслаждение любоваться с высоты городом, лежащим у их ног. Однако эта «гонка по вертикали» ограничивает всех их единым потолком предельных высотных параметров. И в итоге это грозит тем, что просто все дома дорастут до этого предела, своими крышами создав высотное равнинное плато, которое поглотит тех, кто в числе первых обеспечил себе временное счастье побывать выше остальных.

Таким образом, если ещё 25 лет назад доминанты, хоть по большей части и не убедительные своей бессодержательной «значимостью», но всё же возникали по более или менее продуманной градостроительной тактике и стратегии, то теперь это отдано стихии частных инициатив. Даже те «точки» особо высотных объектов, которые появились на карте предельных параметров высоты в Правилах землепользования и застройки, возникли на ней не потому, что кто-то заботливо расставил их с целью осмысленно разнообразить пейзаж, а потому, что некоторые застройщики сумели согласовать свои проекты до принятия этих Правил. Правда, наиболее одиозные из этих высоток всё же несколько «подстригли», но, так и иначе, это не явилось собой деяния по системной работе над силуэтом города, а было лишь попыткой хоть частично исправить допущенные в этой области ошибки.

Итак, я утверждаю, что работа над силуэтом города, над его градостроительной композицией необходима, в том числе и с помощью создания доминант. Хоть градостроительный кодекс и не предусматривает наличия в генеральном плане или в документации по планировке территории специального документа, посвящённого формированию композиционных узлов, ансамблей, расстановке доминант, надо изыскать для Санкт-Петербурга полномочия, позволяющие дополнять градостроительную документацию этими и подобными разделами. Думаю, Схема мест, зарезервированных для создания доминант, должна найти своё место в грядущем генеральном плане. Первое среди таких мест, по моему мнению, – Сенная площадь. «Спас на Сенной» был одной из опорных доминант города до его сноса в 1961 году. После этого безумного события вплоть до нынешнего дня Сенная площадь зияет развороченным северо-восточным углом. Город потерял одну из великолепнейших доминант, площадь потеряла свой эпицентр, который держал пространство и был узлом всех нитей, идущих от разных концов площади и далее со всех концов города. Все последующие годы шёл судорожный поиск мер, которые могли бы прикрыть эту «рану». Строительство комплекса «Пик», разумеется, такой мерой не стало.

В 1990-е годы был проведён конкурс по решению названной проблемы. Единодушное мнение участников конкурса состояло в том, что доминанту, конечно, надо восстанавливать.

Тогда ещё не хватало смелости предположить восстановление утраченного храма, поэтому некоторые участники предлагали ограничиться воссозданием одной лишь колокольни или создать символическое сооружение из прозрачного металлического каркаса, повторяющего контур утраченной церкви. Но, думаю, никакого иного решения, кроме полноценного воссоздания храма, быть не может – никакая иная доминанта не справится с той задачей, которая свыше прописана этому узлу нашего города. Поставьте в этом месте высокую гостиницу или ещё что-нибудь в том же роде ради имитации доминанты: не трудно представить, какую скорбь и отвращение они будут вызывать.

Следует сказать, что, коль скоро в нашу действительность вернулось строительство церквей, безрассудно было бы не воспользоваться этим для создания системы настоящих, полноценных, осмысленных доминант, а продолжать размещать эти уникальные объекты без попытки украсить ими город. Разумеется, я допускаю, что не каждая новая церковь справится с ролью доминанты. Просто формально быть церковью для этого недостаточно. И смысл здания как дома Истины, и совершающаяся в нём церковная жизнь, и его архитектура, и место, выбранное для него – всё это должно быть перемножено между собой ради великолепного результата. Только в этом случае доминанта не будет фальшивой. Ведь справедливо обратить внимание на то, что, увы, встречаются церкви, построенные совершенно без души — как примитивные утилитарные постройки: есть купол и главы, «дежурный» традиционный узор... и достаточно. А красивы ли они сами по себе, хорошо ли смотрится здание в городском окружении — уже не важно: «суета сует»... Конечно, такое здание роли доминанты не выполнит, а только испортит собой драгоценное место.

И всё же у церкви радикально больше шансов стать полноценной доминантой, чем у любого иного сооружения. Само назначение даёт ей в этом громадную фору. Использовать её для общего блага градостроительного преобразования – дело совести строителя церкви. Но и общество, даже та его часть, что ходить в неё не будет, вправе требовать от архитектора создания красоты – более убедительной красоты, чем от рядового бизнес-центра или театра, или чего-либо ещё. И даже при провальной неудаче всегда остаётся весомый шанс, что неудачное здание церкви в будущем будет перестроено и обретет достойный облик – это обычная история в судьбах церквей, поскольку им суждено стоять веками.

Следует сказать, что мест, особо ценных для превращения их в некие локальные центры, не так уж и много. Валентин Федорович Назаров, автор нескольких генеральных планов нашего города, говорил мне, что, например, Ильин, автор генерального плана Ленинграда 1935 года, обладал удивительно точным чувством значения места в композиции города. Это он нашёл место для Дома Советов на Московском проспекте и настоял на нём, несмотря на то, что под ним был обнаружен такой плавун, что здание построить тут обычным образом было невозможно. Но оно было построено – подземные этажи здания, ставшие его фундаментом, представляют собой своеобразный дебаркадер, на котором здание «плавает» в этом плавуне. Он же нашёл и место стадиону на Крестовском острове – удивительно точное место для стадиона, который затем столь же точно для этого места построил Никольский. Это также технически не беспроблемное место – учитывая массовый характер его посещения, оно не обеспечено необходимой транспортной

доступностью. Да и ради тренировок между соревнованиями мотаться сюда было, мягко говоря, накладно. И, несмотря на всё это, Genius loci его просто гигантский по сравнению с этими недостатками. Жаль, что стадион Никольского снесли. Даже никаким спортсменам уже не нужный, он сохранился бы как ленинградское «капище», ленинградский «Стоунхендж».

По моему мнению, не для нового стадиона это место – новый стадион можно воспринимать лишь как печальное надгробие шедевра Никольского. Хотя, увидим.

Тот же дар выбора места Назаров увидел и у Петра Первого, избравшего Заячий остров для строительства крепости. Иной правитель на его месте усилил бы Ниеншанц и именно его сделал бы своей новой крепостью – и быстрее, и дешевле, и надежней, с точки зрения выбора правильного решения – ведь не дураки же были все прошлые поколения, которые, как подтверждают исторические пласты, раз за разом строили и развивали крепость именно здесь. Но теперь мы видим всю сумасшедшую правоту Петра, не поддавшегося этому искушению.

И ещё на одно необычное место обратил мое внимание Валентин Федорович – на мыс Кривое Колено на Неве. Здесь, если поставить высотное здание, можно создать доминанту, которая окажется в створе сразу двух русел Невы. Она будет встречать суда, идущие с Финского залива на Ладогу и с Ладоги в Финский залив. Это очень ответственное в символическом отношении место, используемое пока, увы, не по назначению и недооценённое в генеральных планах. Уверен, что есть ещё подобные выдающиеся места. Их следовало бы выявить и осмыслить, пока, как говорится, не поздно.

Помимо резервирования для достойного использования уникально выдающихся мест, созданных природой, и используя средства планировки города, следует создавать композиционные центры и узлы, визуально обогащающие застройку – хотя бы по примеру уже названного проекта планировки Ленинграда 1935 года Ильина. Эту задачу следовало бы ставить, имея в виду множество целей – как романтических, так и сугубо прагматических. Но, ограничиваясь здесь только разговором о градостроительных задачах размещения новых церквей, скажу только, что следовало бы подбирать и резервировать места, где размещение церквей было бы действительно уместно и могло бы послужить украшению города. Это ровно те же места, где возможно и желательно размещение градостроительных доминант. В их числе наиболее ценными являются те, которые замыкают перспективы улиц. Таких немного – Петербург славится прямизной улиц, уходящих в пространство за видимые пределы. Тем более ценны случаи, когда есть возможность поставить здание буквально по оси улицы. Их надо выявлять в существующей застройке, их надо, по мере возможности, создавать при планировке вновь осваиваемых территорий.

Вот пример: проспект Ветеранов у пересечения с улицей Добровольцев. В квартале, в котором расположен кинотеатр «Рубеж», сейчас идет строительство храма в честь Преображения Господня. Место для строительства выбрано у улицы Добровольцев в глубине от главной магистрали – проспекта Ветеранов, ближе к перекрёстку с улицей Отважных. Наверное, есть какое-то объяснение этому выбору. Но доминантой эта церковь никак не станет. Скорее, доминантой этого места останется кинотеатр «Рубеж». Иными словами, строительство церкви заметным архитектурно-градостроительным событием стать не обещает. А между тем, именно в

этом месте проспект Ветеранов делает лёгкий поворот на север, и этого оказывается вполне достаточно, чтобы на продолжении оси проспекта найти место для размещения какой-либо доминанты, выгодно замыкающей его. И было бы очень кстати, если бы ею стал большой храм. На рисунке большими кругами показаны сразу два места, которые теоретически могли бы быть использованы для оформленного замыкания перспектив проспекта. И показано место, где в действительности строится храм, который мог бы для этого послужить.

